

RU

Архивно-следственное дело Гаяза Исхаки как отражение бесправности «маленького человека» перед государственной машиной

Ахметова М. А.

Аннотация. В статье исследовательский ракурс сосредоточен на анализе предварительного архивно-следственного дела будущего классика татарской литературы Гаяза Исхаки. Оно в полной мере отражает нездоровую обстановку в стране, когда любой инакомыслящий мог попасть в тюрьму за свои политические воззрения, не совпадающие с общегосударственными. Для подавления инакомыслия использовались ложные доносы и шантаж, что наглядно отражено в анализируемом архивно-следственном деле. Цель исследования – дополнить историко-литературный процесс начала XX столетия путем восстановления индивидуальной истории значимой в обществе личности – одного из основоположников татарской возрожденческой литературы названного выше периода Г. Исхаки. Научная новизна состоит в том, что архивно-следственное дело писателя осталось вне исследовательского интереса и в научный оборот вводится впервые. Основу научного исследования составляют архивные документы, сыгравшие ключевую роль в судьбе будущего классика татарской литературы. В результате исследования выясняются обстоятельства политической борьбы в стране с опорой на архивные документы, проясняющие бесправное положение граждан перед беззаконием, творящимся и в условиях провинции. Дело Гаяза Исхаки, сфабрикованное от начала до конца жандармским управлением, является тому свидетельством. Молодой писатель приобрёл новые знания в конфликте с представителями репрессивной системы, которые позже изложил в повести «Зиндан» («Тюрьма»). Первый тюремный опыт Исхаки, разнообразие характеров окружающих его людей – односельчан, клеветавших на него из личной мести или оправдывавших будущего писателя, – дали ему возможность в будущем со знанием дела изложить своё понимание психологии обычных, «маленьких» людей.

EN

Gayaz Iskhaki's archival-investigative case as a reflection of the powerlessness of the “little man” before the state machine

M. A. Akhmetova

Abstract. This article focuses on the analysis of the preliminary archival-investigative case of Gayaz Iskhaki, the future classic of Tatar literature. The case vividly reflects the unhealthy political climate in the country, where any dissident could be imprisoned for holding views that diverged from the official state ideology. False denunciations and blackmail were used to suppress dissent, as clearly demonstrated in the archival materials under study. The aim of the research is to enrich the historical and literary understanding of the early 20th century by reconstructing the individual history of a socially significant figure – one of the founders of the Tatar Renaissance literature of that era, G. Iskhaki. The scientific novelty lies in the fact that Iskhaki's archival-investigative case has remained outside scholarly attention and is introduced into academic circulation for the first time. The core of the study consists of archival documents that played a crucial role in shaping the fate of this future literary icon. The research reveals the circumstances of political repression in the country, supported by archival evidence that clarifies the lawlessness faced by citizens, even in provincial settings. The case against Gayaz Iskhaki, fabricated entirely by the gendarmerie, stands as a testament to this injustice. The young writer gained new insights from his conflict with representatives of the repressive system, which he later expressed in his novella Zindan (“Prison”). Iskhaki's first prison experience, along with the diverse characters of those around him – villagers who slandered him out of personal spite and those who defended him – enabled him to portray the psychology of ordinary “little” people with profound understanding in his later works.

Введение

Революционная действительность выявляла и поднимала на борьбу за новые идеалы прогрессивно мыслящих людей, тесно связанных с народом, понимающих суть происходящих событий, отстаивающих свою правду и право на свободу, уверенных в грядущей победе над злом (Общественная и философская мысль..., 1990, с. 144). В их число входит классик татарской литературы Гаяз Исхаки, который «ставил целью своей будущей деятельности просвещение своих сородичей учительством и литературой через распространение среди них более правильных взглядов на жизнь личную и общественную» (ГА РТ, ф. 142, оп. 1, д. 135, л. 2-3).

В конце 1904 г. начинается активное участие Г. Исхаки в общественно-политической жизни татарского общества Казани, когда он всерьёз заинтересовался идеями партии социалистов-революционеров (эсеров). Его активность привлекла внимание сотрудников Казанского губернского жандармского управления еще в январе 1903 г. Имя Гаяза Исхаки, как представителя татарской группы Казанского комитета партии социалистов-революционеров, попало в сводный список политически неблагонадежных личностей по Казанской губернии. Он был «одним из немногих членов татарского национального движения, который действовал на нелегальном положении» (Хабутдинов, 2004, с. 6).

Данные материалы в авторской интерпретации позволяют обозначить новые аспекты изучения биографии Гаяза Исхаки. Необходимо отметить, что важный этап его жизненного пути – чистопольский, где он проходил свои университеты, – не изучен специалистами. Без чистопольских страниц биографии литературоведы не могут создать полноценный исторический портрет писателя.

Архивно-следственное дело Гаяза Исхаки, отражающее реальные факты из жизни Чистопольской тюрьмы, является важнейшим источником для восстановления исторической правды, понимания и контекстуализации творческого процесса писателя. Актуальной тенденцией современного литературоведения стало стремление к восполнению пробелов в исследовании творческого наследия и жизненных страниц Гаяза Исхаки, которое способствует более полному и объективному пониманию культурно-исторического контекста эпохи.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью всестороннего научного осмысления и изучения архивных документов для раскрытия личности и начального этапа творчества Гаяза Исхаки, чей вклад в становление и развитие национальной литературы начала XX века является по-настоящему значимым.

Активная политическая деятельность и антиправительственные выступления Гаяза Исхаки привели к многочисленным арестам, отбывал он заключение в тюрьмах Чистополя, Казани, Москвы, Санкт-Петербурга, находился в ссылке в Архангельской губернии. Однако ни тюрьмы, ни ссылки не сломили его дух: он рассматривал эти испытания как необходимый опыт и бесценный материал, которые послужили основой для будущих его произведений.

Исследование архивных документов, связанных с чистопольским периодом жизни и творчества Гаяза Исхаки, проводится с целью выявления биографических фактов жизни классика татарской литературы, особенностей чистопольского периода, где началось формирование его мировоззрения и личности, взаимодействия Исхаки с местным населением и культурно-исторического контекста того времени в Чистополе.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- провести подробный анализ документов из архивно-следственного дела Гаяза Исхаки, которые сыграли ключевую роль в судьбе будущего классика татарской литературы;
- выявить новые факты биографии Гаяза Исхаки, дающие возможность понять некоторые черты его характера, стойкость его перед дальнейшими испытаниями, помогающие правильно интерпретировать события в Чистополе в повести «Зиндан» (в связи с приближающимися выборами в Государственную Думу);
- осмыслить историко-культурный и литературный контекст, в котором сложилось мировоззрение писателя на основе материалов архивного дела по его обвинению в противоправительственной пропаганде.

Материалами научного исследования являются:

- дело под грифом «секретно» Казанского губернского жандармского управления (Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ), ф. 199, оп. 1, д. 538, л. 1, 6, 8-8 об., 15-15 об.);
- документы представительного и оперативного цензурного органа «Казанский временный комитет по делам печати» об аресте не повременных изданий 1908 г. (Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ), ф. 420, оп. 1, д. 115);
- материалы фонда Казанской татарской учительской школы (Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ), ф. 142, оп. 1, д. 135, л. 2-3);
- предварительное следственное дело Г. Исхаки, произведённое судебным следователем Казанского окружного суда 1-го участка Чистопольского уезда (Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ), ф. 51, оп. 6, д. 916, л. 9-9 об., 11-12, 16, 17-17 об., 19-19 об., 20, 34, 38, 45-45 об.).

Также материалом послужила повесть Г. Исхаки «Зиндан»:

- Исхаки Г. Зиндан / сост., вступ. ст. и комментарии М. А. Ахметовой. Казань: Изд-во «Заман», 2024.

Теоретическую базу исследования составляют литературоведческие работы, в которых творчество Г. Исхаки изучается в контексте татарской литературы XX века (Сахапов, 1998; Якупова, 2018); рассматривается становление творчества классика татарской литературы (Шагбанова, 1998); объектом исследования является автобиографическая повесть Г. Исхаки «Зиндан» (Гайнуллина, 2012) и документы, хранящиеся в Государственном архиве Республики Татарстан, которые отражают историко-литературную и культурную атмосферу

в стране в начале XX столетия. Необходимо отметить исследование (Усманова, 2023), посвященное пенитенциарной системе Российской империи, в котором исследователь, опираясь на документы личного происхождения, описывает «школу жизни» – тюремный опыт в Чистопольской тюрьме – Гаяза Исхаки с точки зрения формирования его личностной, когнитивной и человеческой зрелости.

В данной статье применяются методы тематической классификации, систематизации при изучении неопубликованных документов, а также при установлении связи между биографией писателя и особенностями культуры XX века – биографический; при описании тех или иных исторических событий – историко-литературный и культурно-исторический.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования приводимых документов в дальнейших научных изысканиях по изучению жизни и творчества Гаяза Исхаки. Результаты данной работы также могут быть применены в курсах высших учебных заведений по татарской литературе первой половины XX столетия и в научно-образовательной деятельности.

Обсуждение и результаты

30 октября 1906 г., Гаяз Исхаки, который провел одиннадцать месяцев на нелегальном положении, прятался в подвалах и на чердаках, был отправлен в арестный дом при полицейской части. Причина задержания – найденные газеты, письма и статьи в квартире Сагита Рамеева, которую использовали под редакцию и где Исхаки решил заночевать перед поездкой в один из соседних с Казанью городов. Пребывание в тюрьме, по мнению Гаяза Исхаки, дало ему бесценный материал для будущих статей и художественных произведений. Выиграв психологический поединок с начальником участка, Исхаки был выпущен из полицейской части по распоряжению полицмейстера через два дня, с условием, что он покинет Казань в течение 24 часов и отправится в родную деревню Яуширма (Кутлушкино) Чистопольского уезда Казанской губернии.

Вернувшись в родную деревню, Исхаки понял, что недоброжелатели не оставят его в покое, поскольку они активно писали доносы в Чистополь. Односельчанин Шайхутдин Замалетдинов по прозвищу Куштан и его зять регулярно ездили в Чистополь с очередными ложными наветами. Исхаки, продолжая оставаться под надзором полиции, получил разрешение выезжать в соседние деревни, но всегда знал, что его в любой момент могут задержать. Чтобы избежать ареста, Исхаки мог уехать в другой город, тем более в то время его приглашали на работу в журнал «Тарбия аль-атфаль» («Детское воспитание»), издаваемый в Москве. Но он не мог покинуть деревню по причине приближающихся волостных выборов, куда был выдвинут односельчанами в качестве кандидата. Обязательное нахождение в родной деревне давало ему право быть избранным, поэтому Исхаки терпеливо относился к регулярным приездам стражников, которые изрядно беспокоили родственников.

В декабре 1906 г., в связи с приближающимися выборами в Государственную Думу, в Чистополе творилось форменное беззаконие. Надзор за Исхаки усилился: полиция, объединившись с представителями черносотенного движения, с целью не позволить избрания неугодных власти людей начала производить аресты оппозиционеров. Чтобы не допустить своих оппонентов до выборов, сторонники черносотенного движения в Чистополе добились ареста купца Гарифа Бадамшина, дамеллы Наджиба Амирханова и Гаяза Исхаки.

23 декабря 1906 г. около двух часов ночи стражники явились в родительский дом Исхаки в деревне, арестовали его и доставили около семи утра в Чистополь. Арест Исхаки был связан с выборами в Государственную Думу II созыва. В Государственном архиве Республики Татарстан хранится предварительное архивно-следственное дело по обвинению Г. Исхаки в преступлении, предусмотренном 126 и 129 статьями Уголовного Уложения, т. е. в противоправительственной пропаганде.

Ранее нами был проведен обстоятельный анализ его произведений, отражающих тюремный опыт молодого писателя (Ахметова, 2025), а также проблемы прохождения этих произведений через цензурные препоны (Ахметова, 2024). В данной статье для понимания ситуации считаем необходимым подробнее остановиться на архивно-следственном деле, чтобы показать, как формировалось несправедливое обвинение в России в начале XX столетия, с опорой на доносы односельчан против Исхаки, которые сыграли ключевую роль в судьбе будущего классика татарской литературы той поры.

Содержательно не сильно отличающиеся друг от друга донесения (разница между двумя доносами заключается только в переставленных словах и правописании) полицейского урядника Красноярской волости Терентьева от 12 декабря 1906 г. под номерами № 191 и 192, направленные Приставу 1-го стана Чистопольского уезда, зафиксировали донос крестьянина деревни Кутлушкино Красноярской волости Шайхутдина Замалетдинова. Слова его подтверждались другими крестьянами деревни Кутлушкино: Халиуллой Хамитовым, Мифтахутдином Вахитовым и Сахабутдином Габитовым. Содержание полученных лично полицейским урядником Терентьевым сведений от крестьян деревни Кутлушкино следующее: «Исхаков читал у Диакона в селе Красный Яр Циркуляр, в котором будто бы сказано, что деньги от Красного креста предназначены не только для учащих на столовые, а на каждого крестьянина, и смущает крестьян, что получать от Красного креста должен каждый крестьянин, а вам не дают потому, что будто бы скрывает себе начальство, крестьяне могут требовать от содержателей столовых силой и тогда начальство будет выдавать сполна. Между тем Исхаков подкупает крестьян, чтобы его выбрали депутатом в Государственную думу, и внушает крестьянам, что если его выберут здесь депутатом, то дальше его пропустят, так как это их партия, а если из их партии не будут выбирать, то в Думе начальство крестьян обманет и ничего не дадут, и подбивает некоторых крестьян подписать какой-то приговор, будто бы некоторые крестьяне подписались. А в случае, если его или кого-то будут арестовывать,

то стараться не давать. Между тем к Исакову ходят крестьянские девочки той же деревни для обучения татарской грамоте. Он им внушает, чтобы передали своим отцам, чтобы они подписались к его приговору, а он будет за них хлопотать, чтобы крестьянам от Красного креста выдавали крупчатой муки, одежды, коров и лошадей, потому что это будто бы полагается, а начальство это не дает» (ГА РТ, ф. 51, оп. 6, д. 916, л. 9-9 об.).

24 декабря 1906 г. Чистопольскому уездному исправнику Илевскому уряднику Красноярской волости Терентьевым были доложены сведения, подтвержденные крестьянином-доносчиком Шайхутдином Замалетдиновым, свидетельствующие об антиправительственной пропаганде Г. Исаки: «Мухамет Гаяз Исаков агитирует среди крестьян этой деревни, внушая им, что правительство в настоящее время плохое, его следует переменить и что вся земля должна быть разделена поровну между крестьянами, а поэтому землю у помещиков и других землевладельцев нужно отобрать. Государя быть не должно, а должен быть избран другой, и, чтобы достичь всего этого, следует выбрать в члены Государственной Думы от партии революционеров. Эта партия одна желает добра крестьянам, он, Исаков, также принадлежит к этой партии и желал бы быть выбранным в члены Думы» (ГА РТ, ф. 51, оп. 6, д. 916, л. 12). В доносе отмечены и слова крестьянина Свияжского уезда Ширданской волости дер. Большие Ачасыры Салахутдина Сайфутдинова, живущего в Чистополе на Петропавловской улице в доме Мухамадеева, который рассказал о недавнем визите Гаяза Исаки в Чистополь, где он «говорил, что правительство надо сменить и что государя не нужно. Что он, Исаков, имеет много денег и с деньгами сумеет попасть в Думу» (ГА РТ, ф. 51, оп. 6, д. 916, л. 12). Чистопольский уездный исправник Казанской губернии Илевский под грифом «секретно», «срочное» отправляет письмо от 24 декабря 1906 г. № 1092 (ГА РТ, ф. 199, оп. 1, д. 538, л. 1), где приставу I стана поручено было тотчас же произвести дознание согласно 252 и 253 статьям Устава Уголовного судопроизводства о бывшем мулле Гаязе Исакове и предоставить дознание Илевскому 26 декабря, так как Исаков содержится под стражей при полиции.

26 декабря 1906 г. Шайхутдин Замалетдинов в дознании у исполняющего должность пристава I-го стана Чистопольского уезда указал, что «с неделю тому назад бывший мулла кр[естьянин] д. Кутлушкино Гаяз Исаков среди крестьян д. Кутлушкино распространяет слухи, чтобы они не слушали начальство, и что правительство все врет, ворует деньги от Красного Креста, надо соединиться и требовать то, что мы хотим, так как теперь все наше, затем Исаков, у которого на дому у жены обучаются девочки, дети местных крестьян, подстрекает их передать отцам, чтобы отцы их постояли за него и, когда придет начальство со стражей, собрались бы и прогнали их, и не повиноваться ни в чем правительству» (ГА РТ, ф. 51, оп. 6, д. 916, л. 11).

Крестьянин деревни Кутлушкино Красноярской волости Мифтахутдин Вахитов доносил, что Исаки якобы лично ему на улице говорил, «что правительство – это не нужно, т. к. оно обманывает крестьян, ворует от крестьян деньги на свои надобности, скоро мы прогоним это правительство и выберем новое по своему усмотрению» (ГА РТ, ф. 51, оп. 6, д. 916, л. 11).

После доносов односельчан 27 декабря 1906 г. был допрошен Гаяз Исаки, который и объяснил, что «подобного ничего не говорил, свидетели Шайхутдин Замалетдинов и другие показывают на него по злобе, Салахутдина Сайфутдинова он вовсе не знает» (ГА РТ, ф. 51, оп. 6, д. 916, л. 12 об.).

27 декабря 1906 г. Чистопольский уездный исправник Илевский, рассмотрев свое дознание и дознание пристава I стана Чистопольского уезда, находит в действиях Исаки признаки преступления, предусмотренного 129 статьей Уголовного Уложения. На основании 29 пункта Положения об охране, которое дало местным административно-полицейским органам простор для принятия решений, Илевский постановил заключить под стражу в Чистопольскую уездную тюрьму Гаяза Исаки. Как для особо опасного преступника, он определил содержание его под стражей не за местным органом, а за начальником Казанского губернского жандармского управления.

Распоряжением Чистопольского уездного исправника от 27 декабря 1906 г. в порядке охраны Исаки был арестован и заключен в Чистопольскую уездную тюрьму. Таким образом, именно 27 декабря 1906 г. у политического арестанта Гаяза Исаки начинаются тюремные будни. Документ Чистопольского уездного исправника Казанской губернии, датированный 27 декабря 1906 г. и направленный под грифом «секретно» начальнику Казанского губернского жандармского управления, подтверждает заключение Гаяза Исаки под стражу в Чистопольскую уездную тюрьму (ГА РТ, ф. 199, оп. 1, д. 538, л. 6). Начальник Чистопольской уездной тюрьмы в письме начальнику Казанского губернского жандармского управления от 27 декабря 1906 г. сообщает о пребывании в Чистопольской тюрьме политического арестанта Гаяза Исаки, обвиняемого в преступлении 129 статьи Уголовного уложения (ГА РТ, ф. 199, оп. 1, д. 538, л. 7). 27 декабря 1906 г. арестанту Исаки объявили и объяснили обвинительное заключение, которое «представляло собой набор ничем не обоснованных выводов». Оно «не содержало ни одного серьезного доказательства моей вины», – писал Исаки (2024, с. 110).

В документе, направленном Казанскому губернатору 25 января 1907 г. под грифом «секретно», приводятся точные агентурные сведения вверенного полковнику Калинину Управления, по которым Исаки «принадлежит к партии социалистов-революционеров и, проживая у своего отца в деревне Кутлушкино Красноярской волости Чистопольского уезда, вел преступную противоправительственную пропаганду среди мусульманского населения указанной волости, агитируя там о необходимости перемены Правительства и об избрании его, Исакова, в члены Государственной Думы, как представителя местной группы социалистов-революционеров» (ГА РТ, ф. 199, оп. 1, д. 538, л. 8). Вышеуказанное «преступное деяние» Исаки рассматривалось в рамках статей 126 и 130 Уголовного Уложения. Он был изобличен показаниями крестьян Шайхутдина Замалетдинова, Салахутдина Сайфутдинова, Мифтахутдина Вахитова, Мирсаяпа Мухаметдинова и Сахабутдина Габитова.

Начальник Чистопольской уездной тюрьмы в документе признает указанную противоправительственную деятельность Гаяза Исаки вредной и опасной в политическом отношении. Учитывая значительное влияние

Исхаки, каковым он пользуется среди мусульман упомянутой местности, полковник Калинин предлагает выслать его из пределов Казанской губернии: «Ввиду изложенного, признавая указанную противоправительственную деятельность Мухемметгазя Исхакова вредной и опасной в политическом отношении, по причине громадного влияния, каковым он, Исхаков, пользуется среди мусульман упомянутой местности, как бывший мулла дер. Кутлушкино, я полагаю бы безусловно необходимым выслать его из пределов Казанской губернии, в одну из северных губерний России под гласный надзор полиции на 3 года, без права возвращения в Казанскую губернию и по отбытии срока гласного надзора» (ГА РТ, ф. 199, оп. 1, д. 538, л. 8, 8 об.).

В собственноручно написанном 6 января 1907 г. заявлении на имя судебного следователя I участка Чистопольского уезда Исхаки обозначает себя как политического заключенного, обвиняемого по 129 статье Уголовного уложения. Он прекрасно понимает, что обвинение строится «на ложных доносах крестьян д. Кутлушкино Шайхутдина Замалетдинова и Сахабутдина Габитова. Ложный донос и лжесвидетельство на меня – Замалетдинова вытекает из личной мести и злобы: родственник Замалетдинова имел намерения поступить азанчеєм (муэдзином – призывающим мусульман к намазу через азан и икамат. – М. А.) в приходскую мечеть. Ввиду безнравственности и малоспособности к упомянутой должности, я воспрепятствовал поступлению, что подтвердит общество, а также отдельные члены общества. Второй свидетель и доносчик по уговору вышеуказанного Замалетдинова кр[естьянин] той же дер[евни] Сахабутдин Габитов на допросе уездного исправника г. Илевского совершенно отказался от записанного приставом показания и заявил, что приставу он такого показания не давал, что подтвердит сам исправник Илевский, жена его, находившаяся при допросе Габитова, и кр[естьянин] дер[евни] Кутлушкиной Шафик Хасанов. Фабрикацию созданного обвинения подтвердят с моей стороны свидетели Шарафутдин Хамитов и Гата Бадюгин» (ГА РТ, ф. 51, оп. 6, д. 916, л. 45, 45 об.).

Гаяз Исхаки просит судебного следователя допросить названных им свидетелей. 2 февраля 1907 г. судебный следователь I участка Чистопольского уезда обращается в Красноярское волостное правление с просьбой вызвать свидетелей по делу Гаяза Исхаки из деревни Кутлушкино (Шайхутдина Замалетдинова, Мифтахутдина Вахитова, Мирсаета Мухаметшина, Сахабутдина Габитова) для опроса в камеру по адресу г. Чистополь, ул. Большая, дом К. П. Логутова, 10 февраля 1907 г. (ГА РТ, ф. 51, оп. 6, д. 916, л. 45, 45 об.).

10 февраля 1907 г. исполняющим должность судебного следователя Казанского окружного суда 1-го участка Чистопольского уезда В. Глезхером был допрошен в качестве свидетеля крестьянин д. Кутлушкино, 41-летний Шайхутдин Замалетдинов. В своих показаниях он сообщил: «Гаяз Исхаков был раньше у нас указным муллой, а когда в 1905 г. осенью начались беспорядки, то он из деревни исчез. Полиция его искала долго, и вот уже той осенью Г. Исхаков явился в нашу деревню. Узнав о его появлении, я донес уряднику, который приехал в Кутлушкино и увез в город Гаяза, но в городе Гаяз пробыл недолго, и его отпустили опять в Кутлушкино. В Кутлушкино у меня в избе поселился урядник, который следил, чтобы Гаяз никаду не отлучался из деревни, и за этим так же наблюдал приезжавший из Александровки стражник. В декабре месяце прошлого (1906. – М. А.) года, кажется, числа 26, я, будучи в Чистополе, зашел часов в 10 утра выпить чаю в трактир Назимова, что на Базарной ул., против капустного ряда. Там никого не было, и спустя некоторое время туда пришел Гаяз Исхаков, который стал говорить мне, чтобы выбирали в Государственную думу его и Бадамшина. При этом он вынимал из кармана крупные деньги, которых было, по моему мнению, рублей 300-500, и говорил: «Вот видишь, у нас для выборов есть сколько угодно денег. Это из денег, награбленных в Государственном Банке. Сколько нужно дадут, лишь бы выбрали меня и Бадамшина. Мы же в Думе добьемся новых законов и добьемся изгнания Романовых». Тут же в трактир вошел и Салахутдин Сайфутдинов, который стал в отдалении. Я перепугался и говорю Салахутдину: «Вот что Гаяз говорит, давай лучше уйдем!», – и я с Салахутдином ушел из трактира, а Гаяз Исхаков остался там. Через некоторое время я опять приехал в город и сказал о случае с Исхаковым исправнику, который вызвал Салахутдина и допрашивал. Затем в Кутлушкино приехал надзиратель с урядником, которые допрашивали всех. Больше я лично от Гаяза возмущающих речей не слышал, но от других слышал, что Гаяз говорил некоторым. Так, напр., Халиулла Хамитов говорил мне, что Гаяз Исхаков уговаривал девочек, приходящих учиться к его жене Марьям, передать отцам, что он, Гаяз, будет ходатайствовать, чтобы Красный Крест кормил и девочек. Сахабутдин Габитов мне говорил, что он от своего зятя муллы Вафы Махмутова слышал, что Гаяз Исхаков рассказывал, как он сам видел от начальства бумагу, где говорилось, что надо кормить от Красного Креста всех, не только одних детей, но начальство эту бумагу утаивает, желая украсть часть денег. Я никогда не говорил надзирателю о том, что Гаяз подстрекал девочек передать отцам, чтобы стояли за него, когда придет начальство со стражей, не давали бы его, прогнали бы начальство и не повиновались правительству» (ГА РТ, ф. 51, оп. 6, д. 916, л. 16).

Показания 45-летнего крестьянина деревни Кутлушкино Красноярской волости Мифтахутдина Вахитова отличаются от ранее данных. Если 26 декабря 1906 г. он давал показания об антиправительственной деятельности Исхаки, то в протоколе допроса свидетелей от 10 февраля 1907 г. он отрицает сказанное: «Гаяза Исхакова у нас давно не было в деревне, а когда он явился, то я его встретил однажды один на один на улице, и он мне сказал, что скоро новый закон будет. Какой это закон и о чем не сказал Гаяз. Других речей никаких я от него не слышал. Когда я был допрашиваюем надзирателем, то я только это и рассказал надзирателю, причём я ничего не говорил о том, что я слышал от Гаяза, что правительства не надо, оно обманывает народ и крадет деньги. Эти слова надзиратель неправильно написал. Больше никогда и нигде я не слышал никаких речей Гаяза, и я надзирателю вовсе не говорил, что Гаяз постоянно говорит возмутительные речи» (ГА РТ, ф. 51, оп. 6, д. 916, л. 17).

50-летний крестьянин деревни Кутлушкино Мирсаеп Мухаметшин, якобы подтвердивший слова Мифтахутдина Вахитова в предыдущих показаниях, при повторном допросе рассказал о том, что с Исхаки они никогда

не виделись и ранее он в допросах не участвовал: «Гаяза Исакова я совершенно не знаю, никогда его не видел, и никогда меня ни пристав, ни надзиратель по поводу его не допрашивали» (ГА РТ, Ф. 51, оп. 6, д. 916, л. 17, 17 об.).

Допрос, начатый 10 февраля 1907 г., был продолжен в установленном порядке 12 февраля. Четвертым свидетелем выступил 37-летний Вафа Махмутов, указанный мулла деревни Кутлушкино Красноярской волости, магометанин, грамотный. С Исаки они находились в родстве. Вафа Махмутов, который составлял в деревне списки мальчиков для столовой Красного Креста (в эти списки могли внести только мальчиков из бедных семей), рассказал следующее: «Салахутдин Габитов обратился ко мне с просьбой, чтобы я внес в список его девочку. Я ему ответил, что не имею права это сделать, что я бы кормил всех, если бы мог» (ГА РТ, ф. 51, оп. 6, д. 916, л. 17 об.). В показаниях Шайхутдина Замалетдинова, основного доносчика, прозвучало, что якобы Сахабутдин Габитов сказал, что Вафа Махмутов слышал, как Гаяз Исаки говорил про какую-то бумагу, где содержалась информация о прокормлении всех Красным Крестом (не только детей), а бумага утаивается начальством с целью украсть часть денег. В ответ на это Вафа Махмутов ответил: «Про своего зятя Гаяза Исакова я ни слова не сказал Сахабутдину Габитову, ни тогда, ни после. От Гаяза я никогда не слышал про бумагу, по которой начальство было бы обязано всех кормить, и что начальство утаивает деньги. Больше ничего не могу показать» (ГА РТ, ф. 51, оп. 6, д. 916, л. 17 об.).

Следующий допрос свидетелей состоялся 14 февраля 1907 г., где был допрошен 35-летний полицейский урядник Красноярской волости Иван Петрович Терентьев, проживающий в деревне Красный Яр. Сведения в данном допросе отличаются от предыдущих показаний: «23 декабря прошлого года я приехал из дер[евни] Красный Яр в Кутлушкино по делам службы и остановился в въезжей избе, которую держит Шайхутдин Замалетдинов. Между прочим Шайхутдин завел со мной разговор о бывшем мулле Гаязе Исакове, о котором он сказал, что Гаяз собирает партию приверженцев, которая бы провела его в Государственную Думу, и обещает в случае, если его выберут, добиться земли для крестьян. В это же время в въезжую избу вошел и один десятский, который пришел по поводу хлебного пайка. Шайхутдин сказал мне, чтобы я его спросил по поводу Гаяза Исакова. Я спросил десятского, и он мне сказал, что у него дочка учится у Гаяза и Гаяз девочкам говорил, чтобы они своим отцам передавали, чтобы проводили в Думу его, Гаяза, и он тогда им добьется всего, и чтобы хлеба больше давали, и одежду им дали, что хлеб начальство скрывает, так как раздают только детям, а его должны давать всем. Больше о Гаязе я ничего не слышал ни от Шайхутдина Замалетдинова, ни от этого десятского, и все, что я слышал от этих двух, я на следующий день по приезде в Чистополь доложил исправнику. Только это, и больше ничего не говорил. Я исправнику не говорил о том, что Гаяз рассказывает, что нужно выбрать другого царя, и чтобы этого достичь, то надо выбирать в Думу только от партии революционеров, к которой принадлежит и он, Гаяз Исаков. Если не ошибаюсь, то десятского, с которым я говорил о Гаязе, зовут Халиулла Хафизов. В деревне Кутлушкино я ни от кого больше и ничего не слышал про Гаяза Исакова. Мне известно, что между Гаязом Исаковым и Шайхутдином Замалетдиновым были нелады и что благодаря этому Шайхутдин Гаяза сместил с должности муллы в Кутлушкино. Шайхутдин подбил односельчан составить приговор о смещении Гаяза, так как Гаяз редко служил в мечети и часто отъезжал из Кутлушкино. Больше ничего показать не могу» (ГА РТ, ф. 51, оп. 6, д. 916, л. 19, 19 об.).

В этом же протоколе допроса свидетелей имеются показания 36-летнего Салахутдина Сайфутдинова, крестьянина Казанской губернии Свияжского уезда Ширданской волости деревни Большие Ачасыры, живущего в Чистополе по Петропавловской улице в доме Мухамадеева, занимающегося маклерством. Его сведения были противоречивы: то он утверждает, что Исаков сказал, что скоро не будет фамилии Романовых, то тут же добавляет, что «никаких речей не слышал против правительства» (ГА РТ, ф. 51, оп. 6, д. 916, л. 20).

14 февраля 1907 г. был допрошен сам Гаяз Исаки, который на допросе у исполняющего должность судебного следователя опроверг, как клеветнические и нелепые, обвинения, выдвинутые против него Шайхутдином Замалетдиновым и др.: «Рассказ Шайхутдина о его встрече со мной в трактире Наземова и о том, что я говорил о доме Романовых, и о том, чтоб меня выбрали в думу, сплошная ложь» (ГА РТ, ф. 51, оп. 6, д. 916, л. 21 об.).

В тот же день было вынесено постановление: «В деле в настоящее время не содержится достаточных оснований для привлечения Гаяза Исакова в качестве обвиняемого по вышеизложенным статьям» (ГА РТ, ф. 51, оп. 6, д. 916, л. 24). В ночь с 17 на 18 февраля 1907 года Исаки был освобожден из тюрьмы. Интересную характеристику клеветнику Ш. Замалетдинову дает его земляк, крестьянин из деревни Кутлушкино Шакир Сафин: «Я знаю, что Шайхутдин Замалетдинов давно уже не в ладах с Гаязом Исаковым из-за выборов Исакова в муллы. Шайхутдин не хотел, чтобы его выбрали, так как Гаяз всегда защищал народ, а Шайхутдин обижал всех <...> очень скверный человек; власть у нас, как говорят, хочет составить приговор о выселении Шайхутдина Замалетдинова. Шайхутдин часто выступает по разным делам ложным свидетелем» (ГА РТ, ф. 51, оп. 6, д. 916, л. 34).

С просьбой дать показания против Гаяза Исаки Замалетдинов обращался к Гате Бадыгину, Шафику Касянову, Саяру Юсупову и др., большинство отказали, зная его мерзкое нутро. Исаки в своих показаниях также отмечает: «С Шайхутдином Замалетдиновым у меня издавна самые дурные отношения, так как считаю его кулаком мироедом» (ГА РТ, ф. 51, оп. 6, д. 916, л. 21).

16 февраля 1907 г. Департамент полиции рассмотрел на Особом совещании, образованном согласно статье 34 Положения о государственной охране, обстоятельства дела о содержащемся под стражей в Чистопольской тюрьме Гаязе Исаки, обвиняемом в противоправительственной пропаганде. В результате министр внутренних дел постановил: «За состоявшимся возбуждением против Исакова судебного преследования, переписку в порядке, указанном ст. 34 Положения об охране, прекратить» (ГА РТ, ф. 199, оп. 1, д. 538, л. 15, 15 об.). Начальнику Казанского губернского жандармского управления 24 февраля 1907 года было направлено соответствующее письмо от казанского губернатора.

6 марта 1907 года исполняющий должность судебного следователя Казанского окружного суда Чистопольского уезда I участка, изучив материалы дела, понял, что Гаяз Исхаки был оклеветан Ш. Замалетдиновым из-за личных неприязненных отношений и выступил с ходатайством о прекращении судебного преследования (ГА РТ, ф. 51, оп. 6, д. 916, л. 38).

Заключение

Рассмотрев архивно-следственное дело Г. Исхаки, которое в полной мере отражает бесправность «маленького человека» перед государственной машиной, мы пришли к следующим выводам:

1. Архивно-следственное дело Гаяза Исхаки – это совокупность фальсифицированных показаний, абстрактных обвинений и формальных приговоров, которые подтверждают бесправность маленького человека перед государственной машиной.

2. Гаяз Исхаки воспринимался как потенциальная угроза, и с целью устранения опасного конкурента на выборах в Государственную Думу оппоненты шли на разные ухищрения. Через недоброжелателей Исхаки, с помощью ложных доносов, они добились ареста будущего писателя на период выборов и избавились от соперника. Время заключения в чистопольской тюрьме было отражено позже в повести Исхаки «Зиндан» (1907).

3. Следственное дело Гаяза Исхаки, одного из основоположников татарской литературы возрождения начала XX века, представляет собой важный архивный источник, дополняющий картину историко-литературного развития эпохи. Становится понятным, что данный архивный документ – это свидетельство морального состояния общества, его духовной деградации, противостоять которой обычный человек не в состоянии.

Перспективы дальнейших исследований проблемы могут быть связаны с более детальным изучением чистопольского периода жизни и начального этапа творчества Гаяза Исхаки, сыгравшего ключевую роль в формировании его мировоззрения, а также его социального и культурного окружения.

Источники | References

1. Ахметова М. А. Гаяз Исхаки о тюрьме Чистополя. Историческая этнология. 2025. Т. 10. № 2. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.302-313>
2. Ахметова М. А. Повесть «Зиндан» Гаяза Исхаки в литературном контексте эпохи // Известия Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Серия: История. Филология. Культура. 2024. Т. 1. № 3. <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.3.028>
3. Гайнуллина Г. Р. Становление автобиографического жанра в татарской литературе // Филология и культура. 2012. № 4 (30).
4. Общественная и философская мысль в Татарии начала XX века. М.: Наука, 1990.
5. Сахапов М. Ж. Творчество Гаяза Исхаки и татарская литература XX века: автореф. дисс. ... д. филол. н. Казань, 1998.
6. Усманова Д. М. Мусульманин в пенитенциарной системе Российской империи: свидетельства татарских эго-документов начала XX столетия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 2. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-188-206>
7. Хабутдинов А. Рождение массового политического движения. Гаяз Исхаки (1878-1954) // Татарские края. 2004. № 29.
8. Шагбанова Х. С. Становление творчества Гаяза Исхаки (1897-1910 гг.): автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 1998.
9. Якупова Г. Х. Роль Г. Исхаки в татарской литературе начала XX века // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 2 (23).

Информация об авторах | Author information

Ахметова Миляуша Ансаровна¹, к. филол. н.

¹ Федеральное исследовательское учреждение «Казанский научный центр Российской академии наук», г. Казань

Milyausha Ansarovna Akhmetova¹, PhD

¹ Federal Research Center “Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Kazan

¹ ama201289@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 22.05.2025; опубликовано online (published online): 01.07.2025.

Ключевые слова (keywords): Гаяз Исхаки; город Чистополь; Чистопольская тюрьма; архивно-следственное дело; чистопольский период жизни и творчества; Gayaz Iskhaki; city of Chistopol; Chistopol prison; archival-investigative case; Chistopol period of life and creativity.